

и из рассказа комита Марцеллина, который пишет о большом количестве представителей знати, замешанном в мятеже⁵.

Все это подтверждается еще одним свидетельством Пасхальной хроники и рассказом Прокопия. 18 января, пишет хронист, император собрал сенаторов и приказал им идти домой⁶. Когда они ушли, их встретил народ и повел Ипатия на форум Константина⁷. Конечно, Юстиниан изгнал не всех сенаторов, но, по-видимому, при нем остались лишь самые верные, такие, как Велисарий, Иоанн Каппадокийский, в то время как значительное число аристократов было удалено из дворца. По свидетельству Прокопия, 18 января на форуме Константина собрались сенаторы, которых не было во дворце. Он говорит так, словно речь идет обо всех сенаторах⁸. Создается впечатление, что сенаторов, примкнувших к восстанию, было немало.

Нужно обратить внимание и на следующее обстоятельство. Пасхальная хроника, Феофан, «Эксерпты» Константина говорят в данном случае не просто о сенаторах, а о патрициях, которые, как известно, являлись высшим слоем константинопольской аристократии. До 537 г. титул патрикия могли получить лишь консулы и самые высшие должностные лица⁹. Естественно, что количество их было сравнительно невелико: Р. Гийан для целого периода 491—565 гг. насчитывает около 70 патрикиев¹⁰. Понятно, что даже 18 патрикиев представляли собой немалую часть верхушки константинопольской знати.

Итак, можно сделать вывод, что в восстании была замешана большая часть сенаторской аристократии и, что особенно примечательно, вместе с восставшими оказалось значительное число представителей ее высшего слоя.

Каковы причины участия сенаторов в восстании Ника? Прежде всего следует обратить внимание на неоднородность сенаторской аристократии в период правления Юстиниана. В ее состав входили и отпрыски старых аристократических фамилий¹¹, и потомки вельмож, выдвинувшихся в ряды знати в IV—V вв.¹², и, наконец, совсем новые, никому доселе не известные лица. Источники дают возможность проследить карьеру многих людей, которые из низов общества смогли подняться на самую верхнюю его ступень. Более того, именно эти выскочки играют большую роль во внутренней и внешней политике Юстиниана, составляя его ближайшее окружение. Иоанн Каппадокийский, Велисарий, Ситта, Нарсес, Гермоген

⁵ *Marcellini Comitis Chronicon*. — MGH, AA, t. XI, vol. 2, fasc. 1, p. 103: . . . ple-risque nobilium coniuratis. . .

⁶ Chron. Pasch., p. 624.

⁷ Ibidem.

⁸ *J. Bury*. History of the Later Roman Empire, vol. II. N. Y., 1958, p. 44, n. 4.

⁹ *Corpus iuris civilis*, vol. III. Novellae, rec. R. Schoell-G. Kroll. Berolini, 1954, nov. 62, cap. 1.

¹⁰ *R. Guillard*. Recherches sur les institutions byzantines, t. II. Berlin — Amsterdam, 1967, p. 132—161.

¹¹ Можно согласиться с Г. Г. Беком, который считает, что нельзя сказать ничего определенного о количественном составе этой знати и ее богатствах (*H.-G. Beck*. Konstantinopel. — BZ, 58, 1965, S. 19). В скудных на этот счет сведениях источников не приводятся родословная упоминаемых сенаторов, и нам известен лишь один патрикий — Олибрий, консул 491 г., которого можно считать потомком старой аристократии, и то по линии матери — Юлианы Аниции (*Chron. Pasch.*, p. 594, 607; *Malal.*, p. 392, 398; *Procop.*, B. P., I, 8, 1).

¹² Здесь можно назвать Зинона, внука императора Анфимия (467—472), род которого восходил к первой половине IV в. (*Procop.*, H. a., XII, 1; *Ю. Кулаковский*. История Византии, т. I. Киев, 1913, стр. 226, 366; *A. H. M. Jones*. The Later Roman Empire, vol. II. London, 1964, p. 551); почетного консула Иоанна, сына Руфина и внука Иоанна Скифа (*Malal.*, p. 432; *Theoph.*, p. 175—176; *Georgius Cedrenus*. Ioannis Scylitzae op., vol. I. Bonnæ, 1838, p. 645; *R. Guillard*. Op. cit., II, p. 47. 62, p. 53); Диогениана, родственника Ариадны (*Malal.*, p. 411); Анфилов (наиболее полно о них см. в кн.: *E. Hardy*. The Large Estates of Byzantine Egypt. N. Y., 1931, p. 25); родственников Анастасия (*B. Rubin*. Das Zeitalter Justinians, I. Berlin, 1960, S. 485) и др.